Split by PDF Splitter

ществовать обеим сторонам оппозиции в состоянии напряженной динамики. Именно из-за такой подвижной структуры испанская КМ приобретает черты зыбкости и иллюзорности.

---

[1] Культурология: Учеб. / Под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М., 2005. С. 20.
[2] *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. С. 42–85.
[3] *Менендес Пидаль Р.* Важнейшие особенности испанской литературы // Избр. произв. М., 1961. С. 64–65.
[4] *Унамуно М. де.* О трагическом чувстве жизни. М., 1996. С. 260.
[5] *Удальцова З. В.* Византийская культура. М., 1988. С.121.
[6] *Каптерева Т.* Испания: история искусства. М., 2003. С. 223.
[7] *Ротенберг Е. И.* Западноевропейское искусство XVII века. М., 1971. С. 47.
[8] Там же. С. 46.
[9] *Пинский Л.* Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 2002. С. 58–59.
[10] *Малицкая К. М.* Испанская живопись XVI–XVII вв. М., 1947. С. 186.

Ю. А. Елисеева

СИСТЕМНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Если современный психолог-теоретик будет поставлен перед проблемой формулировки приоритетной задачи его науки, то весьма вероятен следующий ответ: преодоление методологического кризиса. Этой задаче посвящено – прямо или косвенно – довольно много исследований. Мы остановимся на работе А. В. Юревича, который выделяет два взаимосвязанных аспекта рассматриваемой проблемы: реальный кризис и его перманентное ощущение как характерную особенность методологического самосознания психологов[1]. Автор делает вывод о преобладании «профессиональной ипохондрии» со следующей симптоматикой: отсутствие общеразделяемой теории; некумулятивность и параллелизмы знания; разобщенность научных течений и т. п.

Соглашаясь с подобной оценкой, отметим, что принцип методологического либерализма, избавляющий, по мнению автора, от указанного «недуга», – это, скорее, паллиативное средство. Правильное вычленение и оформление психологического знания в интегральных моделях, концепциях и теориях, согласно выдвинутому принципу[2], по-видимому, результирует методологические поиски. На первой их стадии полезно задаться вопросом: какие глубинные механизмы профессиональной исследовательской рефлексии порождают тоску по единству и интеграции? Попытка ответа (хотя бы в первом приближении) на поставленный вопрос и является целью данной статьи.

© Елисеева Ю. А., 2007

Split by PDF Splitter

Нам близка точка зрения методолога науки В. В. Шкоды, который отстаивает концепцию множественности как важнейшей методологической категории современного научного знания. «Понятия “единство”, “синтез”, “интеграция” не сходят со страниц статей и монографий, – замечает исследователь. – И парадокса здесь нет. Эта активность в теории, эта остро переживаемая потребность в единстве и вызвана обеспокоенностью за незыблемость привычного идеала перед лицом вторгающегося из самой практики многообразия»[3].

На наш взгляд, парадокс все-таки наличествует. Психологии, как и другим гуманитарным наукам, необходимо отрефлексировать со-бытие таких противоположных методологических регулятивов, как принцип единства знания и принцип полиморфизма (полицентризма, множественности). В этой связи актуализируется следующая мысль В. В. Шкоды: «…приняв этот подход [интерпретативной множественности. – *Ю. Е.*], мы осуществляем определенную переориентацию теоретико-познавательной проблематики. На первый план выдвигается понятие “метод”… Метод непосредственно включается в содержание знания. Когда такое понимание становится привычным, идея множественности представляется чем-то само собой разумеющимся. Ведь исследовательская деятельность предполагает многообразие методов получения одного и того же результата, многообразие путей к нему…»[4]

Очевидно, в современной психологии есть особые сферы, максимально «сензитивные» к плюралистичности исследовательских методов. Имеются в виду междисциплинарные направления, возникающие, по образному выражению философа В. С. Степина, благодаря парадигмальным «трансплантациям» и «прививкам»[5]. При этом происходит встречный перенос методологических установок, идеалов, норм и стратегий взаимодействующих научных дисциплин. Новое междисциплинарное знание, таким образом, формируется на их границах, в противном же случае наблюдается методологическая экспансия (с определенным дисциплинарным «перекосом») или рождаются мультидисциплинарные концепции.

Проблема достижения методологического баланса стоит практически перед всеми междисциплинарными направлениями развития психологического знания, но особенно остро ее наличие ощущается в отечественной психологии культуры. Заметим, что ряд исследователей обозначают это направление термином «культурная психология» (калька с англ. *cultural psychology*). Тогда с точки зрения терминологической гомогенности необходимо говорить о «культурной социологии», «культурной экономике» и т. п. На наш взгляд, подобные термины приобретают нежелательный семантический оттенок, поэтому корректнее использовать вариант «психология культуры».

Психология культуры – перспективное направление на стыке психологии и культурологии, ставящее проблему единства человеческой психики

Split by PDF Splitter

и культуры. Вот что пишет о необходимости глубинной связи рассматриваемых наук культуролог Ф. Т. Михайлов: «Следует как раз выйти за пределы предмета психологии. Выйти для того, чтобы искать и найти вне его пределов настоящий исток ее метафизических (всеобщих) проблем. То есть искать и найти его там, где навечно сохраняют себя предпосылки возникновения и постоянного воспроизводства человеческой субъективности как таковой. Где психика – лишь модус той порождающей силы, которая и по сей день очеловечивает человека с начала его бытия и непрерывно. То есть в постулате фундаментальной культурологии»[6].

Содержательно выделившись на рубеже XIX и XX вв. (К. Д. Кавелин, Г. Г. Шпет, Л. С. Выготский и др.), психология культуры прошла вековой путь развития, так и не обретя четкой дисциплинарной структуры. Магистральное стратегическое направление ее развития можно определить как создание рекурсивной модели культуры в психике/психики в культуре (разумеется, она будет представлена комплексом частных, авторских моделей). Однако намеченный путь чреват методологическими опасностями. По верному замечанию Ю. М. Шилкова, работающего в рассматриваемой области, «утверждать, что психология культуры в качестве специализированной дисциплины уже приобрела “права гражданства” в сообществе научных знаний, было бы преждевременно»[7]. Так, современная психология культуры негомогенна, наличествует параллелизм приращения научного знания, поскольку развиваются две психологии культуры – «психологическая» и «культурологическая». После укрепления методологической базы психолого-культурологического знания вопрос дисциплинарной экспансии, вероятнее всего, будет стоять не так остро, но это дело будущего. Как его можно приблизить с методологических позиций?

Не имея возможности проанализировать весь спектр гносеологических инструментов психологии культуры, остановимся на абдукции (Ч. Пирс) – логической операции дисциплинарного переноса. Она предполагает: а) выведение понятия из закрепленного научной традицией категориального ряда; б) перенесение в другой ряд (ряды). Попытаемся смоделировать возможные варианты подобного переноса, взяв за основу круги Эйлера. Мы получим три базовые модели абдукции, актуальные для психологии культуры.

В первом («чистом») случае интересующий нас объект изымается из дисциплинарной «среды обитания» (из психологии или из культурологии) и переносится в другую, причем эти среды мыслятся как относительно автономные, т. е. условные круги не пересекаются. Многие контекстные связи при этом обрываются; в новой среде они, как правило, моделируются заново. Например, в возрастной психологии границы возрастных периодов устанавливаются, исходя из уровня развития когнитивной, аффективной, мотивационной сфер индивида, особенностей Я-концепции и поведенческих особенностей. Вероятно, эта чисто психологическая интерпретация не будет «приклеиваться» к концепту «возраст» при его переносе в сферу куль-

Split by PDF Splitter

турологического знания. Последнее выдвинет специфические гносеологические модели, в частности, акцентирующие внимание на границе как функциональном феномене возраста.

Иные концептуальные акценты при смене контекста естественны, и все же иногда «родные» периферийные области понятия являются чрезвычайно важными, не могут быть «обрублены» без потери смысла. Поэтому чаще всего работает вторая модель: пересечение дисциплинарных интересов (частичное совпадение кругов) порождает особую область, в которой исследовательские языки разных наук сопрягаются относительно легко, не требуют обширных «переводческих комментариев». Так, возраст как объект кросскультурной психологии довольно органично встраивается в логику культурологических изысканий. Другими словами, психология и культурология комплементарны по отношению друг к другу, но не по всему фронту, а на отдельных участках, связанных с рассматриваемым понятием. Несомненно, «общая земля» обогащает обе дисциплинарные сферы.

Путем их встречного движения вторая модель потенциально трансформируется в третью, отображающую идею дисциплинарной взаимопронизанности. В этом случае происходит наложение гипотетических сфер друг на друга; возникает, образно говоря, эффект лессировки, «просвечивания» когнитивных слоев друг через друга. В качестве примера можно привести исследование ментального мира возраста с позиций его культурной обусловленности.

Последняя модель, генетически вбирая в себя предыдущие, полнее и глубже воплощает интенции постнеклассического типа рациональности. На объект исследования, лишенный жесткой дисциплинарной «привязки», как бы набрасываются одновременно разные дисциплинарные «сети». В этом случае проблемное поле психологии культуры возникает благодаря энергии взаимоперевода языков соответствующих наук. Однако здесь подстерегает опасность: можно легко нарушить когнитивный баланс, «качнуть» дисциплинарные «весы» в одну сторону. Следовательно, изначально должна быть сформирована установка на валидность (в широком смысле понятия) гипотетических построений в дисциплинарно негомогенном знании, в частности психолого-культурологическом.

Вероятно, начинать эту сложную работу следует с постановки и решения общеметодологических вопросов. Если сконцентрировать исследовательское внимание на современном этапе развития психологии культуры, то в первую очередь следует определить господствующий тип научной рациональности. Исходя из принадлежащей В. С. Степину[8] концепции трех исторических типов научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической), исследователи постулируют переходное состояние психолого-культурологического знания: от классического и неклассического – к постнеклассическому[9]. Согласно их взглядам, психология культуры все активнее реализует установку на взаимосогласованность, перепле-

Split by PDF Splitter

тенность различных научных теорий и множественность методологических ориентиров (парадигмальную толерантность); выработку общенаучного языка, адекватного и для естественно-научного, и для гуманитарного знания; сверхрефлексивность, т. е. способность критического самоосмысления в меняющихся исследовательских контекстах; герменевтический стиль мышления. Принципиально важно, что разные типы научной рациональности не отрицают друг друга, а взаимодополняют, образуя своего рода исследовательские «проекции», допускающие принципиально разное видение объекта исследования.

С этими утверждениями трудно спорить. Действительно, современная психология культуры сравнима с пестрым гобеленом, в котором тесно переплетены фактурно разные нити. Не вызывает сомнений и то, что идеал постнеклассической науки органично сочетается со структурно-генетической спецификой рассматриваемой дисциплины. Однако, наряду с глубокой гносеологической проработкой этой специфики, для сферы психолого-культурологического знания на современном этапе его развития характерна своеобразная «методологическая мода».

Например, в одной из работ М. С. Гусельцевой утверждается, что «на смену системной логике исследования приходит сетевая»[10]. Что следует из подобного утверждения? Очевидно, то, что системная логика постепенно станет методологическим реликтом. Налицо упрощенное понимание возможностей системного подхода, сведение их до вычленения и исследования моносистем. Между тем еще в 70–80-е гг. XX в. апологетами системности научного знания были детально рассмотрены три базовых типа познавательных установок, коррелирующих с выделенными примерно в то же время типами научной рациональности. Укажем несколько эквивалентных классов: предметное, предметно-системное, многопредметное знание; досистемное, системное, сверхсистемное знание; монопредметное, полисистемное, метасистемное знание[11]. О последних компонентах этих триад (многопредметном, сверхсистемном, метасистемном знании) автор пишет: «Третий род объектов познания – сложная действительность, представленная множеством разнотипных объектов (систем) и их взаимодействий… Выдвигается новый принцип познания, согласно которому изучаемая реальность рассматривается как *полицентрическое* [курсив мой. – *Ю. Е.*] сверхсистемное единство»[12]. По сути, именно такое понимание вкладывается в концепт «постнеклассическое знание». Любопытно, что В. И. Кузьмин ссылается на «Философские тетради» В. И. Ленина, который прямо писал: «Перед человеком *сеть* явлений природы…»[13]

Сеть – этимологически и гносеологически – есть не что иное, как *полицентрическое системное образование*. Методологическая привлекательность сетевой парадигмы для современной психологии культуры несомненна. Сеть – уникальный конструкт, соединяющий в себе две ипостаси: это одновременно естественный способ самоорганизации и валидный образ

Split by PDF Splitter

многомерной, стохастичной культурно-психической среды. Наша критика касается другого аспекта – генезиса сетевой парадигмы как автономного процесса в своеобразном методологическом вакууме. Искусственное дистанцирование ее от системной методологии может привести к выпадению из крепкой «гносеологической рамы», стягивающей сложноорганизованные объекты.

Кроме того, противопоставление сетевой и системной логик размывает статус последней как *актуальной методологической ценности*. Дело в том, что в русле постнеклассической науки гетерогенные теории и концепты паритетны, взаимосогласованы и активно взаимодействуют. Подобное состояние знания удачно схватывается в так называемой бутстрэпной (от англ. *bootstrap* – зашнуровывание) концепции физика Дж. Чу[14]. Поэтому акцент смещается на исследование *систем взаимодействия*, которые формируются между различными разнокачественными объектами. В данном случае максимально конгруэнтным методологическим инструментом и выступит сеть. Очевидно, в психолого-культурологическом знании дифференцируются три ее инструментальных модуса: 1) сеть как аппроксимирующий инструмент (средство приближенного представления системы сложноорганизованных объектов через моделирование сетевых «узлов» и «осей»); 2) сеть как селективно-кумулятивный инструмент (средство отбора и накопления значимых фрагментов факто- и концептографической информации); 3) сеть как топологический инструмент (совокупность гипотетических линий связи между концептами в смысловом пространстве исследований). Таким образом, сетевой подход может рассматриваться как весьма перспективный с междисциплинарных позиций вид системного подхода.

Другой аспект парадигмального «сдвига» затрагивает *характер осмысления системности предметов взаимодействующих «материнских» наук – психологии и культурологии*. Системный подход к анализу психики справедливо считать его методологической платформой, поскольку «системные исследования выражают форму познания психического, адекватную его природе»[15]. Этот тезис был убедительно доказан в трудах корифеев психологической науки (В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейна и др.) и детализирован в многочисленных профильных работах современных исследователей. Аналогичные взгляды на значимость системного подхода развиваются и в культурологии[16].

Поскольку современная психология культуры позиционирует себя преимущественно как постнеклассическая научная дисциплина, она, очевидно, должна аккумулировать в себе все новейшие течения психологической и культурологической системной мысли. В первую очередь необходимо междисциплинарно осмыслить феномен системной сопряженности внутреннего и внешнего, субъективного и объективного. Без этого невозможно адекватно воссоздать бытие внутреннего мира личности во внешнем культурном контексте (помимо многомерного концепта «мир», единство человека и его

Split by PDF Splitter

среды описывается через концепты «ситуации» и «пространства»). Рассматриваемая методологическая проблема чрезвычайно сложна. В. А. Барабанщиков отмечает: «Объект-ситуация (объект-мир) изначально противоречив и парадоксален: он включает в себя субъекта и, одновременно, противостоит ему как нечто внешнее, иное»[17]. Подняться на уровень теоретического снятия указанного противоречия позволяет апелляция к такому высокому уровню системного мышления, как синергетический. В труде «Принципы работы головного мозга» основоположник синергетики Г. Хакен указывал, что постоянный взаимообмен между внешним и внутренним мирами есть атрибут любой жизни, в частности жизни психики в культурном универсуме[18]. Тайны самоорганизации в этой открытой системе являются поистине безграничным объектом изучения в психолого-культурологическом знании.

Синергетические идеи необратимости, нелинейности и вариабельности развития, саморегуляции и эмерджентных эффектов, «работающие» в методологическом поле системного мышления в русле системно-синергетического подхода, открывают перед психологией культуры широчайшие исследовательские перспективы. На наш взгляд, концепции образа Мира[19], самонетождественности культурно-психических феноменов[20], уровневого строения ментального опыта[21], транссубъективности ментального пространства[22], личности как связующего звена субъективного и объективного времени[23] позволяют выйти на *динамическую системную модель ментального мира «человека культуры»*.

Если в соответствии с законами системной логики попытаться определить более высокую систему, по отношению к которой указанная выступит как подсистема, то, очевидно, следует рассматривать глобальный *ментально-культурный универсум*[24]. В то же время ментальный мир субъекта культуры при помощи сильного аналитического приема может быть разъят и репрезентирован в различных взаимодополняющих модальностях. Так, в сферу исследовательских интересов автора данной статьи входит *возрастная модальность*. Это комплексное исследовательское направление подтверждает, что *системное представление* культурных доминант возрастного хронотопа способно расширить и обогатить концептуальную сферу постнеклассической психологии культуры, а метафора сети чрезвычайно эвристична в аспекте моделирования возрастных миров.

Дело в том, что традиционная линейно-циклическая модель «возрастов жизни» в настоящее время не может рассматриваться как гносеологически исчерпывающая. В связи с этим выскажем предположение о культуроментальном генезисе еще одной модели возрастных миров – сетевой. Атрибут этой модели – допущение мысли об относительной свободе движения, в том числе возрастного, в жизненном хронотопе. Актуализируется эвристическая аналогия возраста с текстом, а также синергетическая трактовка: усложняются представления о траекториях (принципиально нелинейных)

Split by PDF Splitter

возрастного движения, возрастные кризисы рассматриваются как точки ветвления, генерирующие стохастичность (вероятностность) выбора последующих возрастов. Сетевая модель возраста коренным образом меняет традиционные представления о нем:

• «последующие» возрастные миры не усложняются по сравнению с «предшествующими» в традиционном понимании, т. е. не выстраивается иерархия (скорее, можно говорить о гипертекстовой организации);

• зонами активного смыслопорождения выступают не сами возрастные миры, а границы между ними. Социокультурный постулат о бытии как переходе воплощается в ритмической смене процессов адаптации к возрастному миру и разрушения его основ;

• вы-растание, воз-растание – это не экстенсивные, но интенсивные биосоциокультурные процессы, специфика которых может быть понята в контексте обращения к открытым самоорганизующимся системам;

• онтологически возрастные миры базируются на внутри- и межвозрастной коммуникации, обеспечивающей инкультурацию и социализацию их субъектов. Возраст – постоянно трансформирующаяся социокультурная «роль», пластичность которой естественно стимулирует рефлексию по поводу личностной идентичности.

Представляется, что сетевая модель возрастных миров обогатит психолого-культурологическое знание – как априорное, так и эмпирическое.

---

[1] *Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопр. психол. 2001. № 5. С. 3.

[2] Там же. С. 17.

[3] *Шкода В. В.* Оправдание многообразия (принцип полиморфизма в методологии науки). Харьков, 1990. С. 6.

[4] Там же. С. 29.

[5] *Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 578–579.

[6] *Михайлов Ф. Т.* Как возможна культурология в качестве основания общего человековедения // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М., 2005. С. 58.

[7] *Шилков Ю. М.* Психология культуры и историческое познание // Там же. С. 62.

[8] *Степин В. С.* Указ. соч.

[9] См., например: *Гусельцева М. С.* Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопр. психол. 2003. № 1. С. 99–115; *Она же.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 6. С. 5–15; *Клочко В. Е.* Коммуникативная среда как фактор становления ментального пространства человека // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе. Томск, 2004. С. 30–44; *Мясоед П. А.* Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопр. психол. 2004. № 6. С. 3–18.

[10] *Гусельцева М. С.* Указ соч. С. 14.

[11] *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986. С. 39.

[12] Там же. С. 37.

[13] Там же. С. 38.

[14] Взято из: *Капра Ф.* Дао физики. Киев; Москва, 2002.

Split by PDF Splitter

[15] *Барабанщиков В. А.* Системная организация и развитие психики // Психол. журн. 2003. Т. 24, № 1. С. 29.

[16] *Каган М. С.* Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991; *Пелипенко А. А.*, *Яковенко И. Г.* Культура как система. М., 1998; и др.

[17] *Барабанщиков В. А.* Указ. соч. С. 32.

[18] *Хакен Г.* Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001. С. 37.

[19] *Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избр. психол. произв.: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 251–261.

[20] *Библер В. С.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М., 1991; *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М., 1992.

[21] *Холодная М. А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд. СПб., 2002.

[22] *Клочко* В. Е. Указ. соч.

[23] *Абульханова К. А.*, *Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. СПб., 2001.

[24] *Пелипенко А. А.* Указ. соч. С. 123.

М. В. Логинова

ПОЭЗИЯ С. МАЛЛАРМЕ В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Целью данной статьи является определение специфики современной культуры через творчество французского поэта С. Малларме. Его художественные искания во многом определили вектор развития искусства XX в. Как «знаковая» фигура своего времени, Малларме одновременно связан с классическим искусством, ниспровергателем которого он являлся, и нарождающимся искусством эпохи «пост». Именно он считается основоположником новой выразительности poésie pure.

Методология нашего исследования будет основываться на принципе циклизма, который привлекается для решения выдвигаемой на первый план задачи – осмысления оснований современного художественного опыта. Применительно к неклассике это означает отказ от целостности опыта культуры, когда имеет место радикальная ломка существующего порядка. Отрицание непосредственно предшествующей традиции не исключает значимости для культуры века традиции вообще, но должна иметься в виду традиция уже иного рода. Переход, совершившийся в форме смены циклов, предполагает переоценку ценностей и, следовательно, реабилитацию тех пластов культуры, которые вытеснялись классикой на периферию.

Определяющая для современного искусства проблема смены классических приемов неклассическими сопряжена с изменением положения самого творца (исследователя, живописца, поэта). Всякий раз он размещает себя

© Логинова М. В., 2007